

СТАЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мы продолжаем публикацию материалов научно-просветительской конференции "Сталинские чтения", прошедшей 21-22 декабря 2019 года в Москве и посвящённой 140-летию со дня рождения одного из величайших политических деятелей XX века.

ЕСТЬ ТАКАЯ ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ: хочешь победить врага — воспитай его детей. Происходящее в наши дни в сфере образования является следствием применения этой древней установки. Но деградация нашего образования началась не сегодня, и не с перестройки, как у нас принято считать. Она имеет более давнюю историю.

Наиболее глубоко этапы разрушения нашего образования рассмотрел замечательный педагог Игорь Петрович Костенко в книге "Реформы" образования в России 1918—2018. Идея, методология, результаты". Он описывает четыре периода, которые прошли наше образование со времён Великой Октябрьской революции. Костенко показал, что нынешние непрерывные реформы (именно непрерывные, потому что это применение принципа "перманентной революции" к системе образования) стали следствием реформ 1970-77 гг., которые, в свою очередь, уходят корнями в период ломки русской школы троцкистами-педологами в первые послеволюционные и в 20-е годы.

Далее последовал период созидательных реформ 30-х годов, в основу которых были положены принципы русской классической гимназии конца XIX—начала XX вв. В условиях народной власти то, что раньше было доступно достаточно узкому кругу лиц, теперь стало применяться в широком масштабе — для всего народа, что позволяет называть такую школу советской. Была создана уникальная система просвещения, которая вообрала в себя лучшее из русской традиционной школы и новейших советских достижений. Именно это позволило нам выйти в итоге на недостижимый для Запада уровень, на котором долгое время и пребывали. И тут особо надо выделить тот факт, что формирование советского образования как целостной системы произошло в самое тяжёлое для народа время — в годы Великой Отечественной войны, в период смертельной опасности, когда стоял вопрос о выживании нашего народа и государства.

В итоге сложилась школа, о которой американский адмирал Хайман Риквер, основоположник атомного американского флота, уже после запуска нашего спутника в 1957 году, написал: "Серьёзность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам системой образования".

Как же создавалась советская школа? Чтобы понять, почему возникла столь острая нужда в возвращении к традициям, надо вспомнить, что в 20-е годы XX века в России под воздействием троцкистских идей происходило радикальное разрушение культуры и образования. Уже в 1918 году Государственная комиссия по просвещению, которую возглавляли Луначарский и Лепешинский, разработала документ о принципах построения новой школы, который был подписан Свердловым. Предлагалось создать так называемую трудовую школу, которая занималась бы не образованием, а решением проблем, выдвигаемых текущим моментом. Глубокие теоретические знания были признаны балластом. Воспевались лишь навыки. Это один в один соответствует тем установкам, которыми руководствуются нынешние "цифровики", провозглашающие необходимость не знаний, а только навыков, обусловленных потребностью рынка и бизнес-заказчика.

Другой характерной чертой была борьба против "авторитарной" (так они её называли) педагогики. Принцип был такой: учиться надо свободно, без давления. Запрещалось наказание нарушителей дисциплины, не допускались задания на дом, были отменены оценки, экзамены, включая вступительные, отменили и диктанты. Всё это рассматривалось как "принудительная". Результатом этих "методик" стал выпуск неграмотных и полуграмотных учеников. Начался хаос.

Сегодня под видом "детоцентризма" вновь продвигают эти принципы, которые хотят сделать основополагающими в процессе обучения. И называется это теперь "свободной школой".

В качестве идейной основы послереволюционного экспериментаторства выступала педология, поднявшая голову на Западе в конце XIX—начале XX века, тогда, когда у нас был расцвет русской классической школы. Появление педологии было обусловлено распространением эволюционных идей, и речь шла о создании экспериментальной психологии и экспериментальной педагогики. Всему этому придавался статус самостоятельной науки, в действительности же педология являла собой одну из разновидностей учения Фрейда.

К её внедрению особенно был склонен Троцкий, который стремился создать так называемое "нового человека" или "сверхчеловека", совместив подходы Маркса и Фрейда к человеку и обществу. Педология стала быстро распространяться, появились исследовательские центры, институты.

О том, какое значение ей придавали, свидетельствует высказывание Луначарского на Первом педологическом Съезде в 1928 году: "Педология, изучив, что такое ребёнок, по каким законам он развивается, тем самым осветит перед нами самый важный процесс — производство нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идёт по хозяйственной линии". То есть человек рассматривался как некий рабочий инструмент, биообъект.

Ещё более красноречив был Бухарин: "Нам сейчас свои лица нужно устремлять на то, чтобы в кратчайший срок произвести определённое количество квалифицированных рабочих, специально вышколенных машин, которые можно было бы сейчас завести и пустить в общий оборот". То есть человек, опять же, рассматривался как машина. Этот технологический подход к человеку был очень распространён в 20-е годы. То же самое мы видим и сегодня, когда человека постулируют как киборга, механического объект либо цифровой аватар.

Но надо сказать, хотя активность новаторов зашкаливала, их идеология и практика оказались чужды русской культуре, русскому обществу. Они не закрепились. Был одновременно выявлен опасный характер этого процесса. Партийное руководство охарактеризовало его как "издевательский, вредный, основанный на поиске негативных фактов и на применении инквизиторских методов". Это действительно были методы, в основе которых лежал естественный отбор и новейшие деструктивные психологические практики.

В конце 20-х годов руководство страны констатировало, что образование зашло в тупик, и ситуацию оставлять так больше нельзя. Всё руководство Наркомпроса во главе с Луначарским было смещено, а его аппарат был сокращён с 8,5 тысяч человек до 335.

Возвращение к опыту и методике русской классической школы пошло быстро и решительно, потому что инициатором этого процесса был сам Сталин, который лично возглавлял отдел школы ЦК ВКП(б).

В период с 1930-го по 1936 год был принят ряд постановлений ЦК партии и Совнаркомом, в силу которых стало возможно возвращение к дореволюционным ме-

тодикам, к русской классической литературе, к русской истории, к русской классической педагогике. Гуманитарное образование было, разумеется, идеологизированным, но естественности идеологизация почти не коснулась.

Что касается педологии, то в 1936 году специальным постановлением ЦК ВКП(б) "О педологических извращениях в системе Наркомпроса" она была ликвидирована и на уровне теории, и на уровне практики. Педологические учреждения были закрыты.

Но возрождение её произошло в период перестройки. Сегодня педология принимает новые формы, меняет названия, но сутью её остаётся прежний беспощадный евгенический подход. Проект так называемой цифровой школы представляет собой один из механизмов создания кастового общества, основанного на антропологической и социальной селекции, а также на новейших, прежде немыхимых технологиях.

Надо сказать, что в сталинское время в результате этих постановлений было введено всеобщее обязательное начальное обучение. До этого не было такой системы. Затем стали переходить ко всеобщему обязательному обучению в объёме школы-семилетки. Это произошло сначала в промышленных городах, позже — в сельской местности. Далее была развёрнута сеть педагогических техникумов и институтов. Были установлены пять степеней оценки успеваемости и обязательные для всех школ нормы оценки — за что можно ставить пятёрки, четвёрки, тройки, двойки.

В итоге, благодаря сочетанию социальных достижений нового строя с традициями русской гимназии, сложилась советская школа, которая воспитывала людей с широким кругозором, людей с внутренним достоинством. Во время Великой Отечественной войны это хорошо проявилось. В боевой обстановке, как писал Сергей Кара-Мурза, отчётливо выявились суть общеобразовательной школы, которая не делила людей на массу и элиту.

Ольга ЧЕТВЕРИКОВА



А СЕГОДНЯ, НАОБОРОТ, мы часто видим и слышим: "элитные школы", "элитные учреждения", "элитный подход" и так далее. Нам старательно обивают в голову, что есть две касты, два разряда людей. Тогда же это отсутствовало. Поэтому когда мы смотрим на лица людей в советских фильмах, то понимаем, что нынешний, современный человек не сможет их сыграть! Внутреннее достоинство человеческой личности невозможно передать никакой игрой. Именно на этой основе, заложенной в 30-е годы, и были сформированы все лучшие черты, которые отличали в дальнейшем советское образование.

Подчёркиваю ещё раз, именно в годы войны. Почему это произошло и как? В первые годы, понятно, все силы были брошены на то, чтобы остановить наступление нацистов, поэтому на фронт были мобилизованы выпускники, учителя, весь руководящий состав просвещения. Во многих районах: не только примыкающих к фронту, но и в глубоком тылу, — стали закрываться учреждения Наркомпроса. В феврале 1942 года на нужды промышленности и строительства мобилизовали 1,8 млн. подростков. В 1941-42 гг. четверть учеников уже не посещали занятия. Резко уменьшилось число учащихся старших классов, а значит, возникла угроза недостатка рабочих кадров со средним образованием.

И в этой экстремальной ситуации в середине 1942 года были приняты два правительственных постановления, которые содержали новую концепцию народного образования в условиях военного времени. Речь шла о том, чтобы привлечь в школы всё население школьного возраста. При этом школьные предметы, дававшие серьёзные теоретические знания, должны были связаться с военной жизнью, носить практический характер.

Учебный план 1942/43 года был нацелен на подготовку учащихся к обороне страны. В программу был введён предмет "Военное дело". Он включал в себя строевую, лыжную, огневую, противоохимическую подготовку, изучение стрелкового оружия, технику рукопашного боя и военно-санитарное дело — всё, что потом оставалось на долгие годы в арсенале советской школы.

И, главное, создавались учебно-производственные мастерские для практической деятельности. Поэтому всё, что ребята изучали теоретически, они могли тут же применить на практике. Естественно, по-разному нужно было учить девочек и мальчиков, поэтому встал вопрос о раздельном обучении, как это было до революции. Вводили такую практику постепенно, необходимо было всё продумать и организовать.

Началось всё с постановления Совнаркомом, принятом в октябре 1942 г., в соответствии с которым раздельное обучение вводилось в начальной школе и на занятиях по допризывной подготовке: девочек учили на санитарку, мальчиков — на бойцов. Это делалось с пятого класса.

А в мае 1943 года обучение стало раздельным уже и в средней школе. Когда я знакомилась с документами, то в первую очередь обращала внимание на то, насколько грамотно и быстро, без ущерба для учёбы, это новшество было проведено в жизнь — предусматривали все детали и мелочи. По инструкции Наркомпроса, мужские и женские школы должны были находиться в отдельных зданиях и рассматриваться как средние общеобразовательные учреждения. Эти раздельные советские школы хотели сделать элитными, но для всех!

Такие учреждения призваны были стать образцом для обычных совместных школ. И, естественно, они должны были иметь необходимое военно-учебное, спортивное, лабораторное оборудование. При этом в мужских учебных заведениях предполагалось значительно увеличить часы лабораторных

работ по физике, химии, биологии. Показательно, что мероприятия по переводу мальчиков и девочек в разные школы курировал непосредственно председатель Совнаркомом РСФСР Алексей Косыгин.

К середине 1943 года воссоздание традиционной русской школы было практически завершено. Уже летом нужды детей и подростков были приравнены к нуждам фронта. Это стало серьёзным шагом на пути к дальнейшему преобразованию, что принесло свои плоды уже в 50-е годы. Речь идёт о введении обязательного (повсеместного) семилетнего обучения для ребят с восьми до пятнадцати лет. Было введено и обучение работающих подростков в вечерних школах рабочей молодёжи. Что касается раздельного обучения, то оно появилось в 82-х городах Советского Союза. Был составлен специальный документ, который определял обязанности детей как в процессе обучения, так и в обществе в целом.

Позже было введено обучение детей с семи лет. Это, собственно, и была та самая семилетка с закреплённой пятибалльной системой для всех.

Особое внимание было уделено военному обучению мальчиков. В августе 1943-го в соответствии с постановлением Совнаркомом создаётся Суворовское училище, названное так по инициативе Сталина. К 1944 году уже существовало 17 таких заведений. Одновременно создаются два Нахимовских военно-морских училища в Ленинграде и Риге. Там воспитывали и обучали сыновей военных моряков — в основном, конечно, детей-сирот.

Поскольку многие учителя ушли на фронт, встал вопрос о подготовке новых кадров. Это невозможно было сделать без развития педагогической науки, поэтому в том же 1943 году появляется Академия педагогических наук РСФСР под руководством академика Владимира Потёмкина. Она была призвана изучать теоретические вопросы педагогики, повышать качество педагогического образования.

СТАЛИН И ШКОЛА



При этом надо отметить такой факт. Игорь Костенко, изучив эту тему, констатировал, что хотя Академия была создана для развития педагогической мысли на основе традиции (классики), внутри неё немалую роль играли люди не девшисе педологи, которые действовали крайне осторожно, в расчёте на то, что со временем им удастся "пробить" свои идеи. Иными словами, уже тогда был заложен вирус, который дал о себе знать после смерти Сталина. Пиком их экспериментирования стали, конечно, 90-е годы.

ОДНАКО ВЕРНЁМСЯ НАЗАД, к сталинским инициативам. Чтобы поднять авторитет учителя, в августе 1943 года был принят закон о повышении заработной платы, в результате чего фонд зарплаты в ассигнованиях на школу вырос почти в два раза. Это произошло буквально за год, во время войны, заметьте! В школу с фронта вернулась большая часть учителей. Развивалась система заочного педагогического образования, открывались институты усовершенствования учителей. И, поскольку молодым педагогам необходимо было передавать методику обучения, проводилась масса семинаров, конференций городского, районного, областного (краевого) уровня. Особое внимание уделялось учителям начальных классов, для начинающих учителей открывались краткосрочные курсы по русскому языку и арифметике.

В 1944 году, поскольку система обучения была восстановлена, нужно было идти дальше, и главное внимание стали уделять уже повышению уровня образования. В это время были сформулированы положения, которые оказались крайне важны для судеб советской школы. Так, были введены обязательные экзамены в начальной и семилетней школе, экзамен на аттестат зрелости. Само понятие "аттестат зрелости" тоже очень показательно — выпускники рассматривались как зрелые в социальном отношении люди.

Причём экзамены были по всем предметам, как в дореволюционных гимназиях. Билеты на экзаменах охватывали материал, который проходили не только за текущий, но и за предыдущие годы, начиная с пятого класса. Эта система была ориентирована на реальное, а не формальное обучение. Были учреждены золотые и серебряные медали для лучших выпускников, и, наконец, введены "переводные экзамены", без которых нельзя было перейти в следующий класс. Это делалось для всех классов, начиная с четвёртого.

Потому что Грэф говорит нам о том, что нужно "убить" экзамены, он подрыывает саму основу обучения, которое, и любой педагог это знает, невозможно без подготовки знаний!

Главной государственной задачей, которую перед учителями и управленцами ставил академик Потёмкин, было повышение качества преподавания и воспитания. Привычные для нас слова, но, обратите внимание: сегодня чаще говорят не о качестве образования, а об инновациях, карьерном росте, креативности, поиске так называемых одарённых детей...

На Всероссийских совещаниях по народному образованию в 1944 и 1945 годах основным недостатком обучения был назван формализм. Прощитую определению тех лет: "Формализм — это механическое усвоение учебного материала, содержание которого не раскрыто и не продумано, заучивание школьниками словесных форм, лишённых для них конкретного смысла...". Я считаю, что этими словами исчерпывающе описана картина обучения в современной России. Далее: "...отсутствие связи между приобретаемыми знаниями и жизнью практической". Это то, что считалось самым страшным, то, что необходимо было радикально преодолеть. Причины, которые это порождали, выглядели следующим образом: "...слабая теоретиче-

ская, практическая и общекультурная подготовка части учителей". А это как раз то, что сегодня на наших глазах ликвидировается — "теоретическая и общекультурная подготовка". Далее: "...недостаточная методическая помощь, слабая работа учителей над самообразованием". Посмотрите, ведь учителей наших сегодня ставят в такие условия, что они обязаны заниматься оформлением документов в электронном виде, гигантской бюрократической работой, при которой не то что самообразование — сохранение имеющихся учительских знаний невозможно! Далее: "...забвение ими основного дидактического правила, требующего конкретного обучения и связи знаний с практической жизнью <...> неизжитая погоня за формально высокими показателями успеваемости <...> неперывика учащихся к самостоятельному труду и несовершенство программы в учебниках".

Сейчас "формально высокие показатели" преобладают. Причём 100-балльную Болонскую систему, которая уже введена в вузах, предлагают внедрить и в школах. Это убьёт всю систему обучения!

Тогда же, в 1944 и 1945 годах, были предложены средства преодоления формализма. Педагог ратовал за укрепление знаний путём систематического повторения и регулярной проверки. Систематическое повторение — это то, что сегодня у нас тоже невозможно, потому что всё делается с дикой скоростью. Берётся за основу клиповый подход, при котором то, что проходили сегодня, завтра ребёнок забывает.

То же самое касается проверки знаний учеников. Уберите экзамены — и исчезнет всякая ответственность. В прежние годы экзаменационная проверка знаний касалась пройденного материала за несколько лет, то есть и за курс, и за предыдущие годы.

Было хорошо поставлен контроль за работой школы, учителей, и выражался он не в надзоре, а в помощи. Контролировать — значит выявлять, кому нужна помощь, и её своевременно оказывать.

ЗНАНИЯ: цена, ценность, оценка

Особое внимание уделялось составлению, улучшению, отбору учебников. В этой сфере был нейтрализован монополизм отдельных групп. Было создано специальное жюри, которое выбирало учебники тех или иных авторов. Это была некоррумпированная система — в итоге выпускались лучшие учебники, которые становились обязательными для всех!

Теперь, что касается оценок... В том же 1944 году академик Потёмкин издал инструкцию, в которой прописывалось, какие оценки и в каких условиях надо ставить. Когда я зачитала этот текст своим студентам, все ошарашенно признались, что выше тройки в этой системе они никогда бы не получили!

Итак, оценка "отлично" означала: "...исчерпывающее знание программного материала... отличное понимание и прочное усвоение материала". И тут я хотела бы вспомнить рассказ одной девушки, которая обучалась у замечательного педагога. На одном из занятий она стала "отвечать поэму", то есть читать её наизусть, и прочитала без запинки, не сбавила. Но получила низкую оценку. Почему? Потому что понимания не было: прочитала, как биробот, то есть формально, механически. Дальше, читаю: "...на вопросы даёт правильные, сознательные и уверенные ответы ...в практических задачах самостоятельно пользуется полученными знаниями". И вот это, конечно, удивительная вещь: "...в устной и письменной речи использует литературно правильный язык". Не просто правильный язык, не просто хороший язык, а литературно правильный!

А вот оценку "четыре" за что ставили: "...знание всего программного материала, хорошее понимание и прочное усвоение программы... на вопросы отвечает без затруднений... использует литературный язык, в практических задачах — незначительные ошибки".

Оценку "три" ставились, если есть "знание основного программного материала, умение применить знания на практике". А также при условии, что у ученика возникают "при решении практических задач некоторые затруднения, которые преодолеваются с небольшой помощью учителя".

А оценку "два" ставили, когда было налицо "незнание большей части материала" и ученик отвечал "...на наводящие вопросы неверно, частые грубые ошибки".

Ученика переводили в следующий класс, только если его оценки были выше "двойки". Была ещё "единица", которой сегодня, кстати, нет. Сейчас может выплывать непонятным это деление на двойку и единицу. А объяснение-то весьма простое: когда таких ребят оставляли на второй год, нужно было задать специфику подхода — кому нужна наибольшая помощь.

Всё это показывает, насколько глубоко руководство страны в сверхтяжёлый период 1943 и 1944 годов понимало ключевое значение системы образования. Работали ведь не на конъюнктуру... А сейчас все подчёркивают, что того или иного как раз "конъюнктура требует". Или что необходимо, мол, ломать систему образования, подстраиваясь под бизнес-заказчика. А тогда работали на долгосрочную перспективу, это была стратегия, которая должна была дать и дала результаты уже в конце 40-х—начале 50-х годов, когда в стране произошёл "взрыв" в научно-техническом развитии. Это сделали первые выпускники традиционной советской школы. Все наши великие учёные подтверждают факт, что именно в этой школе всё и закладывалось: все их знания, отношение к жизни, к работе... Причём школа была открыта как для горожан, так и для жителей сёл и деревень. И когда посылали выпускников центральных педагогических институтов в разные уголки СССР, это тоже было правильно, потому что в стране везде должен был одинаково высокий уровень образования. Это была подлинно единая система образования!

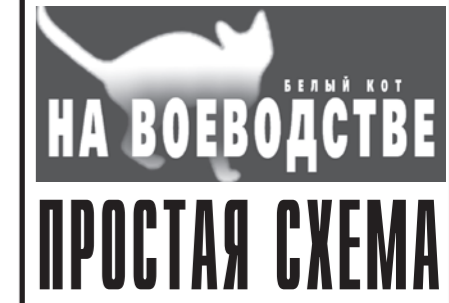
О том, что образование занимало приоритетное место в государственной политике, свидетельствует, например, и такой факт: если в 1941 году ассигнования на народное просвещение составляли 5,961 млрд. рублей, то в 1945-м — более 9 млрд. Ещё раз вспомним, что это за годы были, но денег на образование не жалели! Одновременно с этим сильно поменялось отношение к науке. Это проявилось не только в повышении оплаты учёных, но и в росте престижа научных сообщений.

Всё это были инициативы Сталина, который хорошо разбирался в вопросах образования. Не будем забывать, что семинарии в годы юности Иосифа Виссарионовича давали хорошее образование, но, главное, Сталин всю жизнь самообразовывался.

Хочу подчеркнуть, что заложенная в эти годы система образования стала тем фундаментом, на котором стали возможны все достижения СССР в промышленном и научно-техническом развитии. И именно она представляла главную угрозу для нашего геополитического противника, который поставил задачу её разрушить. Он это делал и продолжает делать.

Сегодня перед нами стоит проблема поиска путей возрождения системы образования, и многие говорят, что нужна некая абсолютно новая программа. На самом деле у нас уже всё есть — есть наследие классической русской гимназии и советской школы. Поэтому наша текущая задача — добиться законодательного закрепления не только права на традиционную образовательную систему, но и механизма его реализации. Этого надо не просить, а требовать.

Во время пятичасового пребывания на трибуне, как писал позже Эйзенхауэр, Сталин не обнаружил никаких признаков усталости. Наоборот, казался, генералиссимус наслаждался каждой минутой парада. "Он пригласил меня встать рядом с ним, и с помощью переводчика мы разговаривали, с перерывами в течение всего спортивного представления. Сталин проявлял большой интерес к промышленным, научным и экономическим достижениям Америки. Он несколько раз повторял, что для России и США важно оставаться друзьями. "Имеется много направлений", — сказал он, — по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша огромная задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского народа, серьёзно пострадавшего от войны. Мы должны узнать всё о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспользоваться вашими специалистами, чтобы они помогли нам решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что мы от-



О страхе и ненависти к "совку"

ИХ, ЧТО НИ ДЕНЬ, всё больше и больше. Вал публикации про то, как свински жили в СССР и как "аф-форты" его за это ненавидят, катится, словно снежная лавина. Если раньше преобладали какие-то факты и детали советского быта, то теперь сразу бегут быка за рога: ненависть, и basta! И нас науку ненавидят. Если вы по глупости или забывчивости к этому предмету равнодушны — значит, и вы "совок". А потом вам нужно пройти коллективную психотерапию для излечения от "совко-выста". По первому запросу в Яндексe выпадает множество ценных ссылок. Такая, например: "Группа создана для тех кому надоела русская постсоветская совковость. Слово "совок" в значении "советский до мозга костей" общезвестно. Совками являются жители бывшего СССР, но не только, и т.д."

Или: "Убей в себе "совка"! 6 привычек жителя СССР, от которых пора избавиться". А вот ещё: "Из-за чего я ненавижу СССР?" — это уже распирает на популярном сайте Махрак некий автор, явно не живший в СССР.

А другой популярный блогер ненавидит "совок" аж "до зубного скрежета". Сочинения об ужасах "совка" ежедневно выскакивают в топы. А вот хорошие воспоминания о жизни в СССР — нет, не высказывают. Это наводит на мысль, да что там наводит — непоколебимо убеждает! — в том, что весь этот "спонтанный" и "народный" интернет 2.0 очень жёстко дирижируется и режиссируется.

Если бы всё было отнюдь "на волю воли" — совсем другая была бы картина: в топе болтались бы романтические воспоминания о советском детстве, любимых учителях и поездках в пионерлагерь. Таков закон человеческой памяти: чем дальше отодвигается время, тем больше оно подёргивается ностальгическим-романтическим флёром: "Что пройдёт, то будет мило". Плохое забывается, а на первый план выходят милые пустяки, добрые улыбки и хорошие люди.

Я вовсе не принадлежу к восторженным поклонникам СССР, хотя многое в советскую эпоху делалось правильно. И при этом с добрым чувством вспоминаю своё детство, хотя летом ходила в туалет на дворе, в квартире у нас была печь, которую топили дровами и углём, а в школе учились в четыре смены.

Но вот что-то, по возрасту гораздо моложе меня, в СССР почти не живший, ненавидит... ковер. Да-да, ковер, висевший у "тулых совков" на стене. Какие удивительные чувства можно взрастить в себе! И к чему? К бессловесному ковару производства люберецкой фабрики!

Дело, конечно, не в ковре. И даже не в "совке". В ненависть к "совку" канализуется смутное раздражение на жизнь, которое испытывает официальный сиделец, прилежный читатель горячих новостей Рунета, выпускник эколого-маркетологического университета, которого жизнь вроде поманила, да и... и ничего. Гордиться вроде особо нечем, но всё же есть один момент: мол, я, по крайней мере, не убогий "совок". И он презирает, упрямается и взращивает в себе презрение и ненависть, потому что, презирая, ощущает себя хоть на вершок выше презираемого предмета. Дирижеры общественного мнения и канализаторы общественных чувств это, как мне кажется, отлично понимают и умело направляют.

Есть и более масштабная причина взбивать, словно мыльную пену, презрение и ненависть к "совку". Во всём мире растёт неприятие широкими слоями народов либерального глобализма.

Народы естественным образом обращают свой взор в собственное прошлое, где и находят образцы нелиберальных и даже антилиберальных образов правления. И те кажутся им всё более привлекательными. Какие-то народы помнят правый антилиберализм, какие-то, как наш народ, — левый, т. е. советский — коммунизм. При этом не только наш народ вспоминает о социализме: левая идея становится всё популярнее во всём мире, даже в США, что уж совсем противоречит привычным догмам и представлениям. Но ничего тут не попишешь: социализм популярен.

Вот его-то и стараются всеми силами оплевывать и скомпрометировать нынешние "хозяева жизни", чтобы неповадно было даже вспомнить, как на 1/6 земного шара была осуществлена первая попытка реального социализма, которая длилась 70 с лишним лет. Вернее, вспомнить об этом предписано только с ненавистью и презрением. А поскольку народ живёт по преимуществу бытовыми интересами, то на первый план и выходят рассказы о неказистом советском быте. Вы хотите социализма? Так будете стоять в очередях за колбасой и подтирать газеты. Не хотите? Тогда забудьте о социализме! Вот и вся схема. Вот для чего нужен вал "ненависти" от тех, кто при социализме не жила.

А ещё присутствует во всём этом тайный страх хозяев жизни. Страх, что придёт некий прирост "совка" и придёт отвечать. "Так трещит же, тираны, и вы, предатели страны. За ваши гибельные планы теперь ответить вы должны!" — сказано в одном из многочисленных русских переводов "Марсельезы". Вот тут, мне кажется, самая главная причина "антисовковости", в которой, впрочем, никто никогда не признаётся.

Татьяна ВОЕВОДИНА

АМЕРИКАНЦЫ НА МАВЗОЛЕЕ

НА ПРОТЯЖЕНИИ почти ста лет, в самые тяжёлые и радостные моменты истории Отечества Мавзолей был не только памятником, но и трибуной. Мавзолей для нашего народа — святое место. На него весте нашими вождями в разное время поднимались и руководители иностранных государств. А первым был будущий 34-й президент США Дуайт Эйзенхауэр. Вот как это произошло.

Генерал армии Эйзенхауэр, кавалер ордена "Победа", не смог прибыть на парад 24 июня, который состоялся на Красной площади. И Сталин пригласил его на парад физкультурников 12 августа 1945 года. Эйзенхауэр приехал. Он и сопровождавшие его лица заняли отведенные им места недалеко от Мавзолея В.И. Ленина. Слово Эйзенхауэру:

"Зрители размещались на площадках без каких-либо сидений, — вспоминал Эйзенхауэр. — Каждый должен был стоять. Как только мы заняли секцию, предназначенную для американского посла и прибывших с ним лиц, к нам подошёл генерал Антонов, чтобы сообщить, что генералиссимус Сталин приглашает меня к себе на трибуну Мавзолея, если, конечно, я пожелаю. Поскольку я был вместе с американским послом, престиж которого, как представителя президента, имел важное значение, то у меня появились сомнения, уместно ли мне оставить посла, чтобы самому идти к генералиссимусу. Необходимость обоим говорить через переводчика лишала меня всякой возможности расспросить у генерала Антонова относительно возможности этого, и я сразу заколебался. Однако он извещал меня от дальнейшего замешательства,

Станет ли Эйзенхауэр примером для Трампа?

сообщив остальную часть приглашения Сталина, которая гласила: "Генералиссимус говорит, что если захотите подняться на трибуну Мавзолея к нему, то он приглашает ещё двух ваших коллег". Я обернулся к послу, чтобы быстро с ним посоветоваться. Он сказал, что приглашение беспрецедентное, насколько ему известно, никогда ещё ни одного иностранца не приглашали на трибуну Мавзолея Ленина. Поэтому, понимая, что этим приглашением нам оказана особая честь, я быстро ответил генералу Антонову, что очень рад приглашению и что я хотел бы, чтобы вместе со мной пошёл посол и глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Джон Дин. Я считал, что если уж речь идёт о каком-то местном престиже, то для посла и его помощника это было бы наиболее полезным".

стаём в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам". Эту мысль он сохранял в ходе всей беседы, в то время как я ожидал, что он ограничится просто выражением общих фраз о желательности сотрудничества.

На пресс-конференции в Москве Эйзенхауэр заявил: "Я не вижу в будущем ничего такого, что помешало бы России и Соединённым Штатам стать близкими друзьями". Вероятно, Эйзенхауэр не забыл, как его принимали в СССР. В речи на съезде Американского легиона в августе 1947 года он даже заговорил о "мирном соуществовании" государств, принадлежащих к капиталистической и социалистической общественным системам.

Пока президент США Дональд Трамп отказался приехать в Москву на парад, посвящённый 75-летию Победы. Но, может быть, пример Эйзенхауэра и Сталина в 1945 году, в конце концов, поможет Трампу и Путину встретиться на Мавзолее 9 мая 2020 года.

Ричард КОСОЛАПОВ, Иван ЧИГИРИН